FALLOUT: EQUESTRIA
FROZEN SHORES

Глава 4. Dive, dive, dive!

Above the surface it seems quiet and calm
Deep down below the wolfpack lurks
Sabaton

- Мы что, поплывём вот в *этом*?

Голос Льётт Дарквинг прямо-таки сочился скептицизмом. И её можно было понять: пришвартованная к пирсу субмарина явно не походила на грозу морей: вся в пятнах ржавчины, потёках, каких-то потёртостях и царапинах, со слегка перекосившейся рубкой, да к тому же грязно-белого цвета. Далеко не такую картину рисовало воображение майора при словах “Подводная лодка флота Кристальной Империи Z-96”.

Их группа стояла на пирсе, в окружении небольшого числа провожающих. Вопреки опасению Армора, никто не проспал, и отряд был в полном составе: хмурый Хорслич с недовольным выражением на тёмно-алой морде, отчаянно зевающая фестралка, клюющий носом подрывник, весь навьюченный какими-то мелкими сумочками и подсумками, связист-кристаллопони, с любопытством пялящаяся на лодку, и невозмутимый снайпер-зебра, с абсолютно непроницаемым выражением лица.

- Уж извини, трансокеанский лайнер нам выделить отказались, - поддел её Дасти.

- А ведь могли бы, миссия-то опасная! - уверенно заявила пегаска.

- Н-да? И что именно нам предстоит?

- Ну... я не уверена точно, но наверняка ведь опасная. Иначе какой смысл вообще ехать?

“Действительно, - подумал Армор, - какой вообще смысл в жизни вне опасности? Молодёжь, блин”.

Экипаж самой лодки выстроился прямо на корпусе: две дюжины зебр и кристаллопони, и трое офицеров при них. Командир лодки, капитан Союши, не спеша поднялся по сходням, и поднял правую переднюю ногу в салюте.

Экипаж дружно щёлкнул копытами, вытягиваясь по стойке смирно.

- Ну что, морские волки, готовы к новому походу? - сказал он с усмешкой.

- Jawohl, herr Kaleun! - слитно громыхнуло три десятка глоток.

- Ну раз так... К подъёму флагов приступить!

- Смирррна! - подал команду один из офицеров. - На флаги и гюйс!

- Вахтенный, время!

- Поднять флаги и гюйс!

- Флаги? Он сказал “флаги”? Не флаг? - затараторила Льётт, вытягивая шею и стараясь рассмотреть происходящее на лодке.

- Не мельтеши, - шикнул на неё Хорслич. Именно флагов. Их там три. Передний

называется “гюйс”, а задние - просто флаги...

- Гюйс - это гюйс, а не флаг - поправил его стоявший рядом кап-три Сейзура, тоже пришедший проводить лодку в поход.

- Неважно, - отмахнулся от него сержант. - У вас, зебр, всё не как у поней. Термины какие-то новые выдумали, единицы измерения... Нет чтобы использовать обычные мили!

- Было бы забавно, используй зебры эквестрйискую систему измерений, - усмехнулся моряк. - К тому же морская миля - это единица дуги большого круга, размером ровно в одну угловую минуту. Навигация - наука сложная, тут всё не просто так.

- Да помолчите вы, дайте посмотреть! - шикнула на них Льётт.

Флаги неторопливо и торжественно скользили ввысь по тросам. Первым достиг верха, и заколыхался, развернувшись на ветру, гюйс Кристальной Империи, бледно-лавандовый с серебряной снежинкой. Через несколько секунд к нему присоединился собрат - военно-морской флаг Эквестрии, который, как помнил майор, обязаны были поднимать все корабли их маленького флота, находясь в гавани Мэйрманска. Голубая полоса по нижнему краю хорошо оттеняла ослепительно-белое поле, а ало-золотое солнце Селестии и густо-лиловый полумесяц Луны завершали композицию, придавая ей полновесность. И, наконец, третьим и последним добрался до голубеющей выси флаг Кайсармарине, чёрный прямой крест на белом поле, с национальным триколором в левом верхнем углу и зебринскими щитом-и-копьями посредине.

- Хох Кайсар! - рявкнули матросы дружно.

- А теперь за работу, господа! - скомандовал капитан. - Предстоит славно потрудиться. Господин штурман, займитесь нашими гостями.

- Есть, капитан! - козырнул молодой лейтенант, и, повернувшись, резво сбежал по сходням на пирс, потрусив к группе майора Армора.

* * *

- Всем привет! - белоснежная улыбка зебры была безупречна. - Меня зовут Кедоки, можно просто Курт, и я - штурманец нашей славной малышки. А вы, стало быть, и есть тот самый ценный груз, что мы должны доставить туда-не-знаю-куда?

- Похоже, что так и есть, лейтенант, - кивнул Армор.

- Ну тогда пойдёмте, чего стоять.

Изнутри лодка была ещё меньше и теснее, чем казалась снаружи - что, впрочем, совсем неудивительно. Спустившись по узкому и покатому металлическому трапу с решётчатыми ступеньками, они оказались в тесной комнатушке два на два метра, целиком уставленной непонятными механизмами, кранами, рычагами и вентилями. По стенам и потолку (ах, простите - переборкам и подволоку) змеились трубы и трубочки, под трапом находилось место рулевого, а прямо посредине торчала здоровенная тумба перископа. Покрашено всё это было в весёленький голубой цвет. То и дело запинаясь и натыкаясь разными частями тела на механизмы, разведчики-диверсанты вслед за своим гидом проползли через лаз-люк, и оказались в длинном помещении, также забитом разного назначения приборами.

- Это четвёртый отсек, здесь у нас находятся штурманская, кают-компания, ну и каюты старших офицеров, количеством две. В одной из них обитает наш кэп, а старпом временно перехал, освободив свою под вашего командира?

- Под меня? - могрнул майор.

- Нет, под какого-то тактического полковника, - ответил всезнающий Курт. - У него, по слухам, с собой сверхсекретные документы какие-то... Слушайте, а вы вообще в курсе, куда мы идём?

- Мы идём занимать койки, - уверенно ответила Льётт.

- Да не мы, а лодка. А то мне так и не сообщили, а я штурман, между прочим, мне ведь курс-то прокладывать. К Вечным Льдам, что ли, пойдём? Или на Пингвиньи острова? Так ведь нет там никакого объекта для диверсий, кроме лежбищей котиков...

- Узнаешь, когда придёт время, - устало сообщил Армор.

- Вот и капитан так же сказал. А ведь мне ещё курс прокладывать... Ладно, всё равно дальше фронта не пошлют, меньше взвода не дадут. Пойдёмте-ка. Следующий отсек - как раз ваш. Прекрасное соседство, я вам доложу: к носу - камбуз и радиорубка, по бортам - топливные цистерны, а под палубой - аккумуляторная яма с парой тонн хлора. Да, и не забудьте про торпеды в носовом!

- Он сказал “торпеды”? - мгновенно очнулся от дрёмы Дасти.

- Забудь! - хором выпалили изменившиеся в лице майор и Льётт.

- Да я что, я только спросить, - смутился инженер.

Дюжина коек в три яруса жалась к стенам, под нижними находились рундуки, а в полу прорезан здоровенный люк, пока закрытый. Убранство вполне спартанское. Смущало даже не то, что придётся жить с кобылками в одном помещении (бывало и такое), но то, что коек было гораздо больше, чем их.

- Курт, а вы кого отсюда ради нас выселили?

- А, это был старшинский кубрик. Не обращайте внимания, всё равно копыт в экипаже не хватает, и койки пустовали.

- А куда старшины делись?

- Как куда? - удивился зебра. - По отсекам разошлись, конечно же. Неудобно, правда, спать с торпедой в обнимку, но никто и не говорил, что будет легко.

- Как у вас всё просто... - майор представил себе обратную ситуацию: из казарм сержантского состава Арктических стрелков выгоняют их обитателей ради каких-то флотских. Большой бучи избежать удалось бы с трудом, а драка и точно была бы.

Совместными усилиями диверсанты перетаскали в отсек весь свой багаж с пирса. Пока группа располагалась поудобнее, прибыл Уайт Гловз в сопровождении нескольких раскормленных спецтаковцев. Цепные псы режима аккуратнейшим образом втащили в каюту полковника какой-то сундук с большим и по виду очень крепким замком.

- Знал бы ты, чего мне стоило их выбить! - пожаловался он в ответ на немой вопрос Армора.

- Что это?

- Лучшее, что можно только было найти для нашей миссии! - торжественным голосом провозгласил белоснежный жеребец, отперев замок висящим на цепочке на шее массивным ключом, и откинув крышку ящика. Внутри него лежало несколько десятков

некрупных матовых шаров, слегка переливающихся в свете ламп. - Это - мнемотека!

- Мнемо... что?

- Мнемотека. Это, дорогой мой, собрание памяти о той, старой Эквестрии! Двести лет собирали по крупицам со всей страны. Они бесценны...

Майор скептически нахмурился.

- Ты говоришь, о *старой*? Но мы-то плывём в *новую*! Чем нам могут помочь эти шары? Навеять ностальгию?

- Эх, Деф, ты никогда не умел зреть в корень, - вздохнул Гловз. - Мы не знаем, *что* нас ждёт по ту сторону барьера, это верно. Но у нас тут - воспоминания и мысли пони, живших в момент Катастрофы, и многие из них приложили к ней свои копыта. Если мы их тщательно просмотрим, есть шанс найти что-то по-настоящему ценное, что даст нам ключ к пониманию того, как могла развиваться ситуация последние двести лет.

- Чего-то я не разделяю твоего энтузиазма. - вздохнул Армор.

- А от тебя и не требуется! - разозлился вдруг полковник. - Думай лучше, как десант организовать, полководец, понимаешь...

Майор покачал головой, и отправился восвояси.

* * *

Около полутора часов матросы-зебры сновали туда и сюда, подготавливая лодку к выходу в море. За это время отсеки превратились в сущие бакалейные лавки - на переборках появились гроздья колбас, связки лука и чеснока, в любом удобном углу стояли ящики с хлебом и консервами. Просто пройти по коридору, не задев случайно какой-нибудь еды стало невозможно. Повар (простите - кок) сбился с копыт, принимая и регистрируя припасы. Наконец, ровно в восемь ноль-ноль по внутренней связи раздалась команда:

- К походу приготовиться. Задраить внешние люки помимо рубочного. Отдать сходни. По местам стоять, со швартов сниматься.

Где-то глубоко в брюхе лодки стармех крутанул стартер, заливая топливо в цилиндры, и раскручивая поршни. Могучий дизельный двигатель несколько раз чихнул для порядка, а потом взревел раненым зверем. Z-96 мелко-мелко задрожала всем корпусом, нехотя пришли в движение два трёхлопастных бронзовых винта, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее увлекая лодку вперёд. Она отвалила от пирса, слегка забирая влево, и закачалась на мелкой прибрежной волне. Ствол палубного орудия поднимался и опускался вместе с лодкой, описывая дугу, а пенные брызги от врезающегося в волны форштевня долетали до нарисованного на борту рубки ухмыляющегося параспрайта - личной эмблемы боевого корабля. Пирс с провожающими потихоньку удалялся, удалялись и портовые постройки, краны и стоящие на приколе танкеры, и лишь маяк на вершине Одинокой скалы пока ещё сохранял прежние размеры в глазах смотрящего.

Стараясь не оступиться на узкой и скользкой лесенке, майор забрался наверх, в рубку, где чуть было не столкнулся головой с полосатым крупом зебры-офицера. Извинившись, майор вылез наружу, на площадку рубки, где уже находились капитан и ещё

несколько моряков.

- Майор Армор. Вы как раз вовремя, - с мрачноватым смешком поприветствовал его Союши. Дефенд отметил, что зебра изменился: вчера в кабаке он показался майору чересчур сухим и отстранённым, даже апатичным, как раскормленная сельдь. Теперь же это была, скорее, мурена: глубоко внутри капитанских глаз разгорался непонятный тёмный огонь, на губах скользила усмешка, а поза была напряжённо-выжидающей, словно капитан в любой момент собирался распластаться в атакующем прыжке, как пантера. - Поглядите-ка на цену секретности!

Единорог оглядел пирс. Народу было - не протолкнуться: зебры и зебритянки, кристальные пони, военные всех мастей и рангов. В первом ряду майор углядел адмирала Фасимбу: он (весьма неожиданно для майора) печально махал копытом им вслед.

- Наш Папа старается провожать и встречать каждую лодку, - пояснил Союши. - Для вас, сухопутных, эта традиция, наверное, должна казаться странной.

- Да нет, почему, вполне уместная традиция, - пробормотал майор.

Из люка вдруг высунулась вихрастая голова, навострившая в сторону разговора уши со смешными кисточками. Миг - и Льётт Дарквинг вспорхнула в небо, загребая воздух широкими тёмными крыльями, уходя вверх и влево по курсу лодки. Описав круг почёта, крыланка на мгновение зависла на фоне восходящего солнечного диска... и спикировала прямо на них, пройдя буквально в паре сантиметров от выдвижных устройств.

- Эх, что делает! - восхитился кто-то из подводников. - Красота!

- Дарквинг! Немедленно возвращайтесь! - крикнул майор. Бесполезно: на секунду бэтпони обернулась назад, на её лице мелькнуло торжествующее выражение, а спустя ещё несколько ударов сердца и взмахов крыльев, она была уже далеко, вне любого арморовского оклика.

- Уместная, говорите? - переспросил капитан. - Тогда, думаю, вам будет крайне интересно спуститься в центральный, и полюбоваться на ещё одну нашу традицию.

Заинтересованный, Дефенд Армор спустился вниз. Центральный пост был полон зебр: Курт стоял у небольшого столика с картой, двое незнакомых моряков сидели за двумя большими штурвалами, ещё несколько занимали посты по противоположному борту.

С ужасным грохотом старпом, он же старший инженер-механик Итачи втащил в отсек здоровенный ящик. Вместе с Кедоки они аккуратно водрузили его на стол, и штурман с восторженно-серьёзным выражением лица прикрепил к нему большой раструб. Стармех откинул крышку кожуха, вставил в прорезь небольшую ручку, и начал её яростно вращать. Ещё минута - и патефон был приведён в боевую готовность. Кедоки тем временем извлёк откуда-то большую виниловую пластинку с затёртой обложкой, аккуратно положил её на вращающийся диск, и отрапортовал:

- Лодка к бою готова!

Старпом снял с переборки микрофон громкой связи.

- Зэт-девяносто шесть! Говорит старший помощник. Мы начинаем наш новый боевой поход. Кто захочет рассказать потомству - это двести семнадцатый поход нашей старушки. Я не могу пока сказать, куда мы идём - но, клянусь Кайсаром, это будет то ещё

приключение! Готовы, отбросы общества? Аппарат товсь!

- Есть товсь! - молодецки отрапортовал штурман, отгибая от держателя звукоснимающую лапку.

- Пли!

Кедоки послушно опустил лапку на пластинку. Секунду, две, три ничего не происходило, затем послышались хрипы и стоны, и, наконец, Армор услышал музыку.

Скрежещущий звук электрогитары пронизал лодку сверху донизу. Инструмент наигрывал на высоких нотах повторяющуюся мелодию, агрессивную и напористую. Затем вступил бас, оттеняющий визг своим ритмичным буханьем. С изумлением майор вдруг обнаружил, что оба офицера - да и не только они, и матросы тоже - стучат копытами в палубу в такт музыке, а Кедоки вдобавок ещё и отбивал ритм как барабанщик, долбя передними ногами в переборку. Получалось это у него, надо признать, довольно профессионально.

Но тут проигрыш кончился, и зебры, как один, открыли рты.

Was wollen wir trinken, sieben Tage lang,
was wollen wir trinken, so ein Durst. - запел старший помощник. Слова были зебринскими, и Армор понимал их со второго на третье, но всё же общий смысл был понятен.

Was wollen wir trinken, sieben Tage lang,
was wollen wir trinken, so ein Durst. - подхватили остальные.

Es wird genug für alle sein,
wir trinken zusammen, roll das Faß mal rein,
wir trinken zusammen, nicht allein.
Es wird genug für alle sein,
wir trinken zusammen, roll das Faß mal rein,
wir trinken zusammen, nicht allein.

Поражённый до глубины души Армор распахнул люк в соседний отсек - там было ровно то же самое: офицеры, старшины, простые матросы, даже моряки-кристаллопони - все они в едином порыве выкрикивали слова песни, подкрепляя свои голоса топотом. А в открытом люке на противоположном конце помещения был виден носовой торпедный отсек, где чьи-то полосатые ноги тоже впечатывали копыта в палубу...

Dann wollen wir schaffen , sieben Tage lang,
dann wollen wir schaffen, komm faß an.
Dann wollen wir schaffen , sieben Tage lang,
dann wollen wir schaffen, komm faß an.

Und das wird keine Plackerei,
wir schaffen zusammen, sieben Tage lang,

ja, schaffen zusammen, nicht allein.
Und das wird keine Plackerei,
wir schaffen zusammen, sieben Tage lang,
ja, schaffen zusammen, nicht allein.

Майор прошёлся по лодке взад и вперёд, и везде видел только одно: моряки, без разницы - в полосках ли, или без - хором пели под ужасный скрип электрогитары про то, как они - один за всех и все за одного - будут вначале пить семь дней, затем крепко поработают неделю, ну а вдобавок сложат головы - за Порядок и Страну. И даже сверху, на мостике, куда Армор поднялся уже под конец, вахтенные громко и старательно выкрикивали слова песни, стараясь перекричать ветер и носящихся вокруг лодки чаек.. Лишь капитан хищно ухмылялся, молча глядя в серые морские волны, да посасывая старую раскуренную трубку.

Dann wollen wir streiten sieben Tage lang.
für das Recht und unser Land.
Dann wollen wir streiten sieben Tage lang.
für das Recht und unser Land.

Dann kriegt der Frust uns nicht mehr klein
wir halten zusammen keiner kämpft allein
wir gehen zusammen nicht allein
Dann kriegt der Frust uns nicht mehr klein
wir halten zusammen keiner kämpft allein
wir gehen zusammen nicht allein.

Не говоря ни слова, майор спустился обратно, и отправился в их жилой отсек.

- Ч-что это было? - свесилась с верхней койки Льётт (ага, вернулась, пока он бродил по лодке!), размерами округлившихся глаз готовая поспорить с полярной совой. У остальных членов команды глаза вылупились не меньше, а то и больше. Лишь один пони сохранял полнейшее спокойствие. Трибунус милитум Тальвар Реи молча улыбнулся, и коротко бросил в пространство:

- Флот.

* * *

- Дедушка Мороз, выходи! - нетерпеливо барабанил по двери гальюна инженер Дасти. В ответ доносились сдавленные проклятия и глухой звук опорожнения чьего-то желудка. Хотя почему чьего-то? Последние несколько часов, с момента выхода в открытое море, там находилась Льётт Дарквинг, внезапно обнаружившая в себе эпических размеров морскую болезнь.

Подводная лодка ходко шла на запад, переваливаясь с волны на волну так, что её нос описывал порой дугу в десяток метров, то подымаясь на гребень, то вновь ухая в

пучину между двумя валами. Из открытого рубочного люка в центральный то и дело лились потоки солёной воды. Наружной вахте в такую погоду не позавидуешь: не спасают ни прорезиненные плащи, ни бесформенные зюйдвестки, однако матросы с маниакальным упорством продолжают оглядывать горизонт в бинокли. Сколько солдат, замерзая в дозоре, или еле волоча ноги в патруле завидовали флотским, которые каждый день едят за столом и из чистой посуды - и сколько из них, оказавшись на месте нещадно заливаемых вахтенных, поспешно взяли бы свои слова обратно. Действительно, на земле ты не всегда спишь в тепле и удобстве - но под тобой терра фермо, а не сколько-то сотен метров водной толщи, и самое главное - нет всепроникающей сырости.

Да, сырость была повсюду. Конденсат каплями оседал на переборках, собирался на подволоке, и капал за шиворот любому проходящему мимо. Кое-где трубы и узлы обшивки подтекали тонкими противными струйками, под которые зебры ставили вёдра. Иногда вёдер не хватало, и солёная морская вода лилась на решётчатую палубу, пробиваясь глубже, в аккумуляторный отсек. Майор как-то сунулся туда из любопытства - тесно, темно, и мокро. Нечего там делать.

Наконец, кремальера на двери гальюна провернулась, и оттуда выползла пегаска с совершенно зелёным лицом. Янтарные глаза закатились вверх, при каждом шаге её била крупная дрожь, а уши безвольно поникли. Время от времени Льётт сотрясали рвотные спазмы, но по крайней мере её уже не рвало.

- Да ты, я погляжу, осваиваешься! - ухмыльнулся Дасти, быстренько забираясь внутрь. Дверь захлопнулась, и раздался вздох облегчения. - Скоро совсем настоящим моряком станешь!

- Это в каком... буэээ... смысле?

- Вчера ты шесть часов в сортире провела, а сегодня всего три! - глухо забубнило из-за двери.

- Шутник, мать твою...

Дверь открылась, и из гальюна выглянул донельзя смущённый Дасти.

- Ты, случайно, не помнишь, как тут, э-э-э... смывается?

- Жмёшь на педаль, после чего запираешь большим красным вентилем арматуру, и выдавливаешь... буэээ... эжектором за борт. Инженер, блин...

- Ну я же всё же не корабельный инженер...

Пробегающий мимо Курт, ухватив обрывок разговора, затормозил.

- Изучаете фановую систему, да?

- В некотором, буэээ... смысле.

- Эмпирическим путём, - подтвердил Дасти, вываливаясь из гальюна, и вытирая передние копыта тряпочкой. - Делать-то всё равно нечего.

- Если нечего - тогда могу предложить одну презанятную штуку. Только мне потребуется помощь. - его продувная рожа осветилась предвкушением чего-то очень приятного и забавного. - Дасти, ты кажется говорил, что ты инженер?

- Есть грешок. - подтвердил Праймер.

- Ты ведь уже был на посту нашего “деда”?

- Кого?

- Ну, деда, старшего инженер-механика, Итачи.

- Кажется, - неуверенно ответил Дасти.

- Справа от радиорубки небольшая выгородка...

- А-а-а, да, помню такую.

- Там под столом стоит здоровенная такая ёмкость, запертая на замок. Замок, скажем, там хлипкий, но есть другая проблема: надо будет подкрутить измерительные приборы, чтобы старый пень не заметил, что мы сольём оттуда пару литров.

- Пару литров чего?

Курт оглянулся по сторонам, и негромко, уголком рта произнёс:

- С-и-та

- Чего-чего? Спирта?

- Эй, эй, не так громко, а то сюда сейчас полкорабля сбежится! - замахал копытами штурман. Да, его самого. Я отвлекаю старпома, а вы сливаете добро. Лу, ты с нами?

- Да вы издеваетесь, - измученно ответила пегаска, - в таком состоянии - и пить.

- Поверь старому моряку, пить в таком состоянии - самое дело, - усмехнулся Кедоки.

- Господин майор! Господин майор! - кто-то сосредоточенно тряс Армора за плечо. - Проснитесь! Да проснитесь же! У нас проблемы!

- Какого..? - тихо выматерился единорог, бросив быстрый взгляд на экран ПипБака. Он спал всего три часа! После усмирения того балагана, который учудили ужравшиеся неизвестно откуда взятым спиртом Дарквинг и Праймер, майор просто валился с копыт, однако он всё же нашёл в себе силы задержаться и посмотреть собственными глазами на погружение лодки. И вот теперь его будят спустя всего сто восемьдесят сраных минут!

- Что у вас опять стряслось, Хорслич?

- Это словами не объяснить. Пойдёмте!

Со вздохом выбравшись из койки, майор начал протискиваться в люк вслед за оранжево-чёрным хвостом земнопони.

В центральном посту было столпотворение: здесь находились почти все офицеры подлодки, и вся его команда, за исключением Дасти (тот дрых, не проспавшись, у себя на койке). Капитан, используя вперемежку эквестрийский и зебрийский языки, вворачивая к тому же сочные выражения на старокристаллическом, жёстко “воспитывал” своего штурмана. Тот стоял поникший, с опущенным хвостом, и к тому же видно было, как лейтенанта штормит с похмелья. Хакер Лири с восхищением записывала на диктофон ПипБака самые сочные обороты.

- Ну и... - начал Армор, но Тальвар Реи молча показал копытом вверх, в рубку, и майор всё понял. На запорной арматуре люка буквально висела Льётт, с совершенно безумными глазами и таким же выражением лица. Пегаску мелко трясло, но она упорно продолжала дёргать кремальеру вниз в бесплотных попытках открыть люк.

- Это что, белая горячка?

- Нет, - ответил капитан, отвлёкшись на секунду от воспитательного процесса. - Это клаустрофобия. Вот этот вот идиот, - он злобно зыркнул на штурмана, который от взгляда съёжился ещё больше, - мало того, что напоил девочку, так ещё и с чистой совестью сообщил ей, что мы идём на глубине, в два раза превышающей длину корпуса лодки. Как только до неё дошёл смысл, случилось... ну, в общем, это.

- А она не...

- Нет, - догадался о вопросе Союши, - люк заблокирован, и открыть его без соответствующей команды с пульта не получится. Но вот снять девочку надо бы - хоть она и крылан, но провисеть тут до следующего всплытия вряд ли сможет.

- Ваши предложения, сержант, - обернулся майор к Хорсличу, - вы же врач.

- Самое лучшее - pizdulinus vulgaris, разумеется. Но для этого её нужно опять же снять.

Армор покачал головой, но делать было нечего - как командир, он обязан был разгребать за своими подчинёнными все косяки. Тяжело вздохнув, майор поставил ногу на первую ступеньку.

Дискорд побери, как же тесно! И так трап очень и очень узкий, а теперь, когда он вполовину занят сбрендившей пегаской, залезть туда было и вообще почти невозможно. Однако каким-то чудом майор извернулся, и смог поравняться с Дарквинг. Балансируя на какой-то выступающей из переборки железяке, он очень аккуратно начал отцеплять разведчицу от люка.

- Дарквинг! Старший авиапони Дарквинг, вы меня слышите? Эй! - как можно более отчётливей проговорил майор прямо в ухо пегаске. Ответом ему стал ещё один безумный взгляд. Мрачно выругавшись под нос, единорог подсунул левую переднюю ногу под кремальеру, и аккуратно разжал копытную хватку, одновременно силой своей магии убирая с запорной арматуры второе дарквинговское копыто. Оставшаяся без опоры пегаска моментально вцепилась в Армора всеми конечностями, зарывшись лицом в майорскую гриву.

Как с таким грузом слезать по трапу - единорог представить не мог.

- Твою ж мать... Эй там, внизу, разойдитесь-ка! - крикнул он, и, выждав десяток секунд, напряг все свои магические силы, окутывая левитационным облаком себя и Льётт. Почувствовав, наконец, что может больше не держаться на ступеньках, майор аккуратно убрал задние ноги с опор, и начал медленно левитировать себя вниз. Лоб моментально вспотел, и струйки горячего пота закапали вниз с кончика рога. Пегаска зажмурилась; Армор медленно, но верно приближался к поверхности. Наконец, когда удерживать пару сотен килограмм веса одной магией было уже невозможно, и майор уже скрежетал зубами от напряга, его копыто коснулось ребристого металла палубы.

Они были внизу.

- Льётт, я всё понимаю, но старшего по званию и обнимать надо по уставу, - мягко проговорил Армор на ухо пегаске.

Наконец-то осмысленный взгляд! Правда, испуганный, ничего не понимающий - но уже осмысленный. А уже через несколько секунд крылатая поняша стремительно разжала объятья, отцепляясь от майора, и стремительно начала краснеть.

- Я п-по-моему слегка... ушла в себя, - пробормотала она, опустив голову, и стыдливо прикрываясь кожистым плащом крыльев.

- Разве что слегка, - улыбнулся единорог. - Надеюсь, больше такого не повторится?

Льётт ещё больше покраснела (шёрстка на щеках приобрела совсем уж невероятный оттенок), и молча кивнула. Майор одобрительно похлопал её по крылу:

- Ну, раз всё хорошо - отправлюсь-ка я досыпать.

Но отдохнуть ему так и не дали: только командир группы завалился обратно в свою койку, как где-то над головой захрипел динамик, и гнусавейшим голосом корабельная связь провозгласила:

- Центральный! Докладывает радиорубка. Обнаружены эхо-сигналы!

- Эхо-сигналы? Вы сказали эхо-сигналы? - не замедлил с ответом вахтенный офицер.

- Так точно, сэр. Повторяю: эхо-сигналы. Цель подводная, одиночная, курс триста двадцать, скорость средняя, расстояние двадцать кабельтов, приближается.

- Вы можете с уверенностью сказать...

- Цель органическая, сэр, - перебил динамик вахтенного, даже не дав тому завершить вопрос.

- Ёб вашу маму, - сказал капитан прямо в эфир. - Только этого не хватало. Право двадцать, полный вперёд. Боевая тревога!

Нет в этом мире ничего сильнее и мерзостнее, чем сигнал боевой тревоги. Высокий, почти на пределе слышимости, он врезается в черепную коробку, как буравчик патологоанатома, и ему же равен по приятности оказываемого эффекта. Мозг стремится моментально вскипеть и паром вырваться из ушей и ноздрей, глаза сами собой приобретают великолепный красно-бурый оттенок из-за мгновенно лопнувших сосудов, а все мышцы тела начинают самопроизвольно сокращаться. Каким бы ты ни был - пьяным в доску, спящим, полумёртвым - ты вскакиваешь на ноги, полный адреналина, и готовый к моментальным действиям по борьбе за живучесть.

Майор вскочил, как бешеный, приложившись затылком и доброй половиной тела о койку соседа сверху, перевалился через небольшие коечные перильца, и рухнул на палубу, запутавшись в простыне. На него тут же свалился с трудом соображающий Дасти, и вдобавок поверху пронеслось маленькое стадо зебр-моряков, спешащих занять свои места по боевому расписанию. Едва вставший на ноги Армор чуть было не свалился вновь: лодку заносило на циркуляции, и лишь ухватившись за что-то, майор смог удержать себя в вертикальном положении.

- Что... за... - хорошенько помятые единорог и земнопони ввалились в центральный пост, налетев при этом на Хорслича. Сержант помог командиру встать, и диверсанты уставились на капитана Союши.

- Нарвал, - мрачно пояснил тот. - Вы, сухопутные, поди о таких и не слышали. Опаснее него только кракен, хоть его и не видели уже лет сто.

- Кракен - это же легенда, - нервно рассмеялся Дасти, - как и нарвал; бабкины сказки!

- Посмотрел бы я на то, как эта бабкина сказка распилит вас надвое одним взмахом меча, - недобро глянул капитан. - Нарвал совершенно реален, и он потопил четыре боевых корабля за последние полсотни лет.

- Да вы должно быть, шутите! - восликнул инженер. - Что ж это за зверь тогда такой?

- Какие уж тут шутки... Пятидесятиметровая туша удивительного проворства с острым десятиметровым мечом впереди. Кое-кто видел, как он протыкает эсминец насквозь - грива у этих свидетелей до сих пор полностью седая, а сами они заикаются.

- Ни разу не слышал ни о чём подобном, - пробормотал майор.

- Ну естественно, - усмехнулся зебра, - много ли вы вообще до того интересовались делами флота?

Он начал нервно расхаживать взад и вперёд; офицеры провожали его взглядом, кроме Кедоки - тот прильнул к карте, и напряжённо смотрел на динамик переговорного устройства.

- Радиорубка, что с целью? - сердито вопросил капитан в микрофон.

- Цель на 240, скорость прежняя, приближается, - слегка помедлив, доложил гидроакустик.

- Scheisse... Самый полный вперёд, носовые пять на всплытие!

- Есть пять на всплытие.

Лодка едва заметно накренилась: корма провисла, а нос, наоборот, поднялся выше. Шум электродвигателей стал сильнее, и почти сравнялся с таковым от дизелей. Корпус мелко-мелко дрожал. Стрелка глубиномера дёрнулась, и, словно нехотя, поползла обратно: шестьдесят метров, пятьдесят восемь, пятьдесят шесть...

- Дистанция до цели?

- Пятнадцать кабельтов!

- Scheisse! Носовые десять на всплытие, кормовые пять. Акустик! Докладывать о цели каждые шестьдесят секунд!

- Есть носовые десять, кормовые пять.

Нос задрался уже ощутимо, да так, что стоящим в центральном пришлось схватиться за что-нибудь для удержания равновесия. Глубиномер менял показания активнее - пятьдесят, сорок семь, сорок пять, сорок два... а гидроакустик бубнил механическим голосом:

- Цель на 220, расстояние тринадцать кабельтов... Цель на 200, расстояние двенадцать кабельтов... Цель на 190, расстояние десять кабельтов...

- Так держать! - рявкнул капитан рулевым, одновременно ловя взглядом Итачи. - Красное освещение в лодке! Орудийные расчёты подготовить!

Что-то щёлкнуло, и всё помещение центрального поста залило тускло-алым светом. Лодка продолжала мчаться сквозь толщу океана, а за ней, напрягая все свои силы, всё так же гнался опаснейший противник из морских пучин...

- Мы уходим? - поинтересовался Армор у капитана, когда тот в очередной раз прошёлся мимо.

- Да, дискорд раздери! - раздражённо ответил тот. - У меня чёткие инструкции: пока не дойдём до плавбазы, риску лодку не подвергать! И я не собираюсь бодаться с этой тушей, с неясными шансами на победу.

- А зачем тогда орудийные расчёты?

Союши хищно усмехнулся.

- Бодаться я не собираюсь... а вот указать этой сволочи на её место - вполне!

С невероятным шумом и грохотом, как огромный стремительный кит, лодка пробкой выскочила на поверхность, пробив форштевнем набегающую волну. На секунду зависнув над водой огромным тёмным силуэтом, Z-96 шлёпнулась со всей своей силы вниз, обрушив на океанскую гладь свой стальной корпус. Тотчас же электромоторы смолкли,

уступив место своим более мощным дизельным собратьям, и лодка, взметнув клубы сизого дыма, рванулась вперёд и влево.

Распахнулся рубочный люк, и из чрева лодки горохом посыпались матросы: они срывали с носового орудия растяжки и чехлы, обнажая воронёный ствол калибром 88 миллиметров. Из рубки аккуратнейшим образом подали первые снаряды, и расчёт, захлопнув затвор, споро завертел рукоятками маховиков, разворачивая орудие на левый борт. Грохочущая ночная гроза и треплющий волны ливень был им, казалось, не помеха: что-то в волнах углядев, командир орудия рванул педаль, и девятикилограммовый снаряд с визгом улетел в ночь, шлёпнувшись в воду со всей своей скоростью в 820 м/с. К нему присоединились и спаренные сорокамиллиметровые “Бохорсы”, посылающие свои снарядики два раза в секунду. Миг - и водная гладь вскипела, как хороший бульон. Лодка продолжала идти влево, описывая гигантскую циркуляцию вокруг невидимой точки.

Вакханалия продолжалась минут двадцать, или около того. Снарядов Союши не жалел: понимал, что перезарядиться можно будет на плавбазе, а вот если из-за его собственной жадности лодку потопит или повредит порождение глубин... Словом, зебры всадили в своего невидимого противника около половины снарядов от “Бохорсов” и где-то полторы сотни ахт-ахт. Разумеется, какого-либо эффекта от своих действий артиллеристы увидеть не могли... но лучшим подтверждением результатов стрельбы стал доклад гидроакустика: цель улепётывала, да во все лопатки!

- Вернуться на прежний курс! - скомандовал капитан, выслушав подтверждение из радиорубки. - Орудия вернуть в диаметральную плоскость, но не зачехлять. Осмотреться в отсеках! Подождём пока, вдруг эта сволочь вернётся...

Однако, вопреки опасениям Союши, нарвал ушёл окончательно, и лодка, идущая полным ходом дабы наверстать упущенное время, рванулась вперёд. Капитан не смыкал глаз, и не уходил из центрального поста, пока рано утром наружная вахта не обнаружила крупный надводный объект.

Это была плавучая база подводных лодок “Занкомо”.

* * *

- Скорее! Скорее давай! Швыдче-швыдче! Что это вы там ползёте, как удивлённые беременные каракатицы по тонкому льду? Шевелите помидорами, рифлёные папуасы!

Означенные папуасы, сиречь рембригада дневной вахты ПБПЛ “Занкомо”, споро затаскивали в рубку большой пластиковый ящик, в котором находилась та самая аппаратура, которая позволит субмарине пройти беспрепятственно сквозь лей-линию. По крайней мере, так утверждали двое яйцеголовых, что сопровождали груз с момента его погрузки в пегасолёт и вплоть до монтажа на исходной позиции, сиречь в лодке. Пока Лири Раннер, их отрядный радист и по совместительству спец по компьютерам, выпытывала у этой учёной парочки мельчайшие подробности, четверо матросов под командованием лейтенанта-минёра Скитузера просто и без сантиментов затаскивали ящик внутрь.

- Быстрее, гамадрилы беспочвенные, отрыжка вы военно-морской доблести, - отечески напутствовал матросиков Скит. Группа майора Армора наслаждалась зрелищем

с борта плавбазы, впервые за неделю с лишним оказавшись там, где нет сильной килевой качки. Отдохнуть от порядком уже поднадоевшей лодки выбрались почти все - за исключением спецтаковца Уайт Гловза.

- К слову об отрыжке, а где наш Напонион?

Вопрос майора был отнюдь не праздный: с момента отплытия прошло уже десять дней, а полковник не появлялся из своей каюты ни разу. Даже обед ему носили туда специально обученные матросы. Всё это вызывало кучу вопросов, тем более что именно Уайт Гловз должен был принимать установку на лодку секретного оборудования. Однако, полковника не было.

- Надо пойти посмотреть, - решил Дефенд Армор.

Дверь в каюту оказалась закрыта. Ухваченный за рукав стармех Итачи на вопрос о запасных ключах просто отмахнулся.

- Сдурел? Какой ещё нахер полковник, едри его мать? У меня приёмка топлива через десять минут!

Поэтому пришлось дожидаться, пока лейтенант Раннер закончит выяснять у научных пони все тонкости управления блоком, и привлечь к делу её способности взломщика.

- Вообще-то это плохо, вскрывать помещение старшего начальника, особенно когда он внутри, - пожаловалась кристаллопони, ковыряясь отмычкой в замке. - Вдруг он там голый и в непристойной позе?

- Ага, с полным ящиком мнемошаров, - хмыкнул Армор. - Просматривает чьи-то воспоминания о посещении военно-полевого борделя двести лет назад.

Вопреки ожиданиям, полковник был одет - правда, исключительно этим всё и ограничивалось. Уайт Гловз, начальник экспедиции, офицер специально-тактического эскадрона, лежал на койке без движения, бессмысленно уставившись в пространство. Из уголка рта на подушку стрекала струйка слюны, а в магическом сиянии рога висел один из тех самых шаров, что доверху наполняли “секретный” ящик. Ещё с десяток шаров было рассыпано по палубе - поверх них лежали исчерканные летящим почерком Гловза листы белой бумаги. Майор поднял один: ни черта не разобрать, такое впечатление, что писал безумец, или пьяный.

- Жив. - отметил сержант Хорслич, нащупав пульс полковника. - Только в глубокой отключке.

- Никогда не сталкивался прежде с такими шарами? - озабоченно спросил Армор.

- Нет, ни разу.

- Я слышала кое-что, - сказала Лири, внимательно рассматривая кучу грязной посуды на столе. - Информация подаётся онлайн, то есть если в шаре записано три дня чьей-то памяти, то и смотреть будешь три дня.

- А если оторвать?

- Повредятся мозги, - пожала плечами кобылка, - до Катастрофы, в каких-нибудь медицинских центрах такое и умели делать, но у нас не получится точно.

- Значит, придётся ждать, пока этот любитель чужих воспоминаний не очнётся сам...

Но “любитель” не очнулся ни через час, ни через четыре, когда лодка отшвартовалась от плавбазы, и направилась средним ходом на юго-запад. Наконец, когда Союши уже начал сердито поглядывать на майора, исполняющий обязанности сиделки

Хорслич принёс радостную весть: Уайт Гловз очнулся.

Тощий, всклокоченный, с воспалёнными красными глазами, он вошёл в центральный с совершенно отсутствующим видом, словно до сих пор находился не здесь, а где-то очень, очень далеко. И очень давно.

- Голубь вы мой книжный, - ласково сказал ему Союши, - птица мира специально-тактическая, сокровище утраченных иллюзий. Где конверт, душа вы пленительного счастья?

- Конверт? - непонимающе захлопал очами полковник.

- Конверт, яхонтовый мой, конверт с координатами вашего сраного прохода в лей-линии. Мы, изволите видеть, некоторое время назад прошли точку “игрек”, и теперь мне очень, уж вы не обессудьте, хочется знать курс, которым мне вести корабль.

Вопрос пришлось повторить несколько раз: отходняк от длительного пребывания в шаре оказался достаточно тяжёлым. Через какое-то время заветный конверт нашёлся, и субмарина устремилась заданным курсом, туда, где вставала ещё неотличимая пока от горизонта полупрозрачная переливающаяся пелена розовато-жемчужного тумана, преодолеть которую не удалось пока ещё никому за последние двести лет.

Им предстояло стать первыми.

* * *

По мере приближения к лей-линии ветер крепчал и крепчал, пока не превратился наконец в настоящий шторм: хлёсткие порывы сурового ветра бросали в лицо находящимся сверху морякам пригоршни колючих снежинок, которые расцарапывали даже стёкла биноклей, не говоря уже о живой плоти. Гигантские валы мутной зелено-сизой океанской воды подымались гораздо выше выдвижных лодки - да что там, выше и здоровенной плавбазы, и даже мэйрманского маяка. Поручни и штаги начали обледеневать - несмотря на то, что вода была морской! - а брезентовый чехол носового орудия просто сломался, как перекалённая стекляшка. Барометр упал ниже своего минимального значения; бешено крутящийся анемометр капитан и вовсе приказал снять от греха. Верный своей привычке лично проверять наружную вахту каждый час, Союши стоял, мрачный и насупленный, за ограждением рубки, с остервенением грызя мундштук.

- Это только ягодки, - прокричал он майору Армору, который также вылез наружу, и стоял, упёршись передними ногами о нактоуз. С его зюйдвестки и прорезиненного плаща стекали потоки воды. - Дальше будет только хуже. Нам придётся уйти на глубину и переждать бурю там.

- А если шторм не утихнет? - заорал в ответ майор (общаться из-за рёва волн приходилось только криком). - Что тогда?

- Не знаю, - покачал головой капитан. - В районе разрыва, скорее всего, сильнейшее подводное течение, можем не справиться. Полезайте вниз, нечего тут больше делать! - и как только Союши удостоверился, что Армор исчез в люке, тут же скомандовал: - Все вниз! К погружению!

- По местам стоять, к погружению! - крикнул старпом в микрофон громкой связи, как только вся наружная вахта спустилась вниз. Зазвенел тревожный зуммер, и все

подвахтенные и сменившиеся с вахт пони моментально бросились на свои боевые места, удивительным образом не сталкиваясь и не устраивая заторов у люков. Вахтенный офицер тем временем отдавал приказания:

- Задраить верхний рубочный люк! Машинное - остановить дизеля, задраить забортные отверстия! Поднять перископ! Заполнить цистерну быстрого погружения

- Есть заполнить ЦБП.

- Открыть клапан вентиляции цистерны плавучести!

- Есть открыть клапан вентиляции цистерны плавучести.

- Боцман, что с забортными отверстиями?

- Клапаны судовой и батарейной вентиляции закрыты.

- Заполнить цистерну главного балласта! Машинное - дать ход электродвигателям. Носовые пять на погружение, кормовые на всплытие.

Гул и грохот дизелей по всей лодке стих, вместо них заработали гораздо более малошумные электродвигатели. Совсем близко послышалось бульканье и скрип - это заполнялась цистерна главного балласта. Воздух мириадами пузырьков выходил из кингстонов, уступая место ледяной забортной воде. Вот дрогнула стрелка глубиномера - до того плескаясь на уровне пяти метров, она уверенно перескочила на соседнее деление, и медленно пошла вправо: семь, восемь, девять...

- Продуть цистерну быстрого погружения!

- Есть продуть ЦБП.

- Глубина двенадцать метров!

- Закрыть клапаны вентиляции средней группы!

- Есть закрыть клапаны средней группы.

- Носовые и кормовые пять на погружение. Дифферент десять на нос. Командир?...

- Занять глубину тридцать метров, - ответил Союши, бесстрастно взирающий на свой экипаж.

- Занимаем глубину тридцать! Носовые десять на погружение, малый вперёд.

- Глубина пятнадцать метров!

- Закрыть клапаны концевых групп!

- Есть закрыть клапаны концевых.

Вахтенный прилип к окулярам перископа, последний раз окидывая взглядом поверхность. Шторм не утихал: волны даже не давали возможности разглядеть что-либо ещё, беспощадно заливая топ перископа.

- Глубина двадцать метров!

- Командир, похоже тарелки всё-таки не успели обмёрзнуть, - обрадованно доложил Итачи.

- Хорошо, - улыбнулся капитан. - Продолжайте погружение.

- Глубина двадцать пять метров!

- Носовые пять на всплытие, стоп машина!

Медленно и вальяжно лодка выправила дифферент - теперь её не клонило к носу, и пони в центральном отсеке могли отпустить то, за что они схватились в попытке удержаться на ногах.

- Глубина тридцать метров!

- Носовые и кормовые прямо, малый вперёд! Командир, есть погружение!

- Ну а вот теперь посидим чутка...

Однако, шторм не утихал. Напротив, как только “чемоданчик” в копытах Лири засёк лей-излучение, он стал ещё яростнее - бушевал так, что даже подвсплывать под перископ стало чрезвычайно опасно.

- Что будем делать? - озадаченно спросил Армор у Союши.

- Что будем, что будем... будем прорываться так. - проворчал капитан. - Где этот ваш чудо-юдо-аппарат?

Но лей-линии мало было достигнуть, нужно было ещё найти разрыв, а его примерное местоположение учёные дали с огромным разбросом. Поэтому следующие десять часов лодка барражировала на достаточном удалении от арканного барьера, медленно и осторожно ощупывая локатором клубящуюся розоватую субстанцию. На экране прибора это выглядело, как хаотичное движение пикселов, которые словно налетали на невидимую стену, и снова с силой отскакивали. У бессменно сидящей в кресле оператора Лири уже давно рябило в глазах от такой какофонии, но она продолжала пялиться в экран в надежде найти достаточно тонкое и стабильное место. Но секунда сменяла секунду, минуты сливались в часы, а нужного разрыва всё не было и не было...

Стоп! Что-то было не так! Лири потёрла копытами глаза: пикселы на экране двигались уже не так хаотично, как прежде, а выстраивались в некий структуризованный хоровод, медленно вращаясь вокруг... чего? Кристаллопони подкрутила верньер горизонтальной развёртки, переместив обзор чуть западнее... Есть!

- Командир, нашла! - проговорила она усталым, но довольным голосом.

- Где? - вскинулся задремавший Армор. Вместе с вахтенным (в этот раз это был Кедоки) они подбежали к экрану прибора, и уставились в непонятное мельтешение.

- Вот, видите? Три с половиной километра к северо-западу! Лей-излучение как бы собирается в пучки, и выбрасывается по ту сторону линии. Вот, мы даже можем видеть излучение *с той стороны*! - поняша, сама того не чувствуя, начала приплясывать от нетерпения.

- Так. Матрос - срочно за капитаном! - скомандовал штурман одному из зебр. - Разбудите вашего полковника, что ли - думаю, ему это тоже будет интересно.

Союши вошёл в центральный стремительно, даже не вошёл, а ворвался. Следом за ним заявились любопытствующие диверсанты Дасти и Льётт (куда же без них?) и замыкал делегацию полковник Гловз собственной персоной.

- Вот это уже другое дело! - обрадованно рыкнул капитан. Какой ширины коридор? На какой глубине?

- Выясняем, сэр, - ответил Кедоки. Он что-то сосредоточенно черкал в блокноте. - Лири, эти деления какой шаг имеют?

- Эти? Сто метров.

- Вечно у вас всё не как у поней! Две мили два кабельтовых по курсу триста тридцать. Расчётное время - двадцать пять минут.

- Боевая тревога! - выкрикнул Союши, а затем усмехнулся, - будем надеяться, до боя не дойдёт. Право десять, средний вперёд! Будем заходить под прямым углом, - пояснил он

пассажирам.

- Хотите проскочить на скорости? - спросил Уайт Гловз. - А что с течением?

- Если я всё правильно рассчитал, то на нашей глубине течение не такое сильное, и идёт *туда*, раз наша часть океана холоднее. А вот уже выше, у поверхности, течение идёт *оттуда*... Вашу кобылу за вымя, я сказал средний, а не полный!

- Ход средний, сэр! - возразил Кедоки, указывая на машинный телеграф.

- А то я лаг не вижу! Восемь узлов - это по-твоему средний? Машинное! Что там за говно у вас творится?

- Машины работают в штатном режиме! - забубнил динамик громкой связи. - Даже, я бы сказал, медленнее, чем нужно...

- Что за... А ну-ка малый вперёд!

Перевели на малый ход, но скорость лодки не уменьшилась, а наоборот, возросла - теперь она достигала десяти узлов, запредельной для подводного хода.

- Так... - помрачнел капитан. - Мне это не нравится. Как далеко ваша лей-линия?

- Полторы мили, - бросив взгляд на экран, с тревогой в голосе доложил штурман. - А должна была быть в двух...

- Sheisse... Машинное! Полный вперёд! Право на борт!

Лодка дёрнулась, и рванулась вправо, но не тут-то было! Увлекаемая сильнейшим течением, её развернуло лагом, и потащило вперёд, всё сильнее и сильнее накреняя на левый борт.

В центральном, да и не только там, все повалились на палубу от резкого толчка. Боцман, бросив рули глубины, с воплем улетел на противоположный борт. Какое-то время лодка была неуправляемой, и вполне могла перевернуться - но судьба распорядилась иначе. Вестник судьбы, старший лейтенант Итачи, старший помощник и старший же инженер-механик, понял, что ещё чуть-чуть, и их положит на левый борт, и тогда - привет. Он рванулся по чужим ногам и головам к машинному телеграфу, и резким рывком перевёл указатель в положение “полный назад”, после чего съехал на крупе к штурвалу, и закрутил его вправо до упора.

Казалось уже, что лодку не выправить, и через секунду всем им настанет конец - но спустя несколько ударов сердца (и несколько седых волос в гривах каждого из обитателей лодки) медленно, невероятно медленно Z-96 начала выправляться. Капитан бросил взгляд на креномер - он показывал невероятную цифру в пятьдесят градусов! Но чем больше лодка выправлялась на курсе, тем меньше становился и крен; спустя несколько минут, когда можно было нормально встать на ноги, капитан перевёл машинный телеграф на “малый вперёд”, а рулевой зафиксировал руль прямо.

- Нас несёт прямо в воронку, - прохрипел Союши, поправляя слетевшую набок фуражку. - Держитесь крепче, тряска будет та ещё!

Все схватились кто за что успел: Армор за стойку перископа, Льётт за Дасти, Дасти за кремальеру люка, а Гловз за штурманский столик. Лодку и в самом деле начало здорово раскачивать, часто-часто подбрасывая нос на два-три метра. Корпус дрожал и трещал, вода булькала как в огромном кипящем котле, а маленькая точка на экране сканера лей-линий неудержимо приближалась к...

К чему? Армор не знал точно. Если учёные ошиблись - современные,

кристально-имперские, или двухсотлентей давности эквестрийские, то их сейчас размажет в тонюсенький блин по лей-линии. Если же нет... всё равно был велик шанс на несчастливый исход - выскочить на камни и пропороть железное брюхо лодки, или того хуже - нырнуть за красную черту, отделяющую безопасную глубину от предельной... Майор опустился на пол - не от страха, скорее от эмоционального изнеможения, закрыл глаза и начал мысленно молиться. Молиться не прабабушке Кейденс, и не Луне с Селестией - скорее, некоему абстрактному высшему разуму, что хладнокровно и безэмоционально наблюдает за земными делами, как и положено высшим разумам. И это была скорее даже не молитва, а внутренний диалог: майор спрашивал, стоит ли так глупо погибать, не сделав даже и первого шага, и в чём вообще тогда смысл существования, если не стоит даже пытаться?

Высший разум, что характерно, молчал.

- К удару приготовиться! - услышал он хриплый крик Союши.

Лодка мчалась уже со скоростью, далеко превышающей её максимальную и над водой - узлов тридцать, не меньше. Скачки почти прекратились, но дрожь лишь усилилась, и выбивала дробный перестук зубов у каждого, кто находился в чреве субмарины.

- Три... две... одна!

“Роуз” - успел подумать Армор.

А потом мир словно взорвался: лодку тряхануло так, что майор подскочил не меньше, чем на метр, отпустив при этом стойку перископа, и скатившись к передней переборке. Он врезался во что-то мягкое (это оказался Дасти), непроизвольно выругался вслух... и внезапно ощутил, что, оказывается, ещё жив. А ещё - что пол и стена как-то... поменялись местами.

- Командир! - услышал он истошный вопль Кедоки. Распахнув глаза, майор повернул голову на крик... и увидел жутковатое зрелище: палуба встала дыбом, превратившись в одну из переборок. Пару секунд спустя он догадался: это не палуба накренилась, это вся лодка встала на дыбы, подняв свою корму гораздо выше носа.

Армор перевёл взгляд туда, куда указывал штурман - и похолодел: лодка не встала, она *падала* на глубину, стоя практически торчком: дифферент достигал уже сорока градусов, и всё увеличивался, хотя и не так быстро, как глубина; последняя же менялась с ужасающей скоростью, и уже достигала почти ста метров.

- Пузырь в нос! Полный назад!!! - не своим голосом закричал Союши, цепляющийся за переборку. - Рули максимум на всплытие! Продуть главный балласт!

Корпус затрещал и застонал, скручиваемый ужаснейшими тисками глубины. Все, кто находился внутри центрального поста, от ужаса потеряли дар речи, стало так тихо, что было слышно, как в лёгком корпусе переливается вода. Стрелка глубиномера уже приближалась к красной черте - сто тридцать метров, но лодка и не думала выравниваться. Наконец, словно нехотя, субмарина дрогнула, и начала выравнивать дифферент, продолжая при этом падать в пучину.

Майор тяжело задышал, рванул копытом воротник кителя, и так уже расстёгнутый. Он не был трусливым пони (по заверениям сослуживцев, Дефенд Армор был лично очень храбр), но что такое смерть от стрелы или пули врага в честном бою один на один - и что такое быть раздавленным чудовищным давлением на глубине двухсот метров, находясь

при этом в крохотной жестяной скорлупке, и не имея никакой возможности что-то изменить? Он не видел, но Дасти валялся в глубокой отключке (ударился головой о переборку), Льётт находилась в предынфарктном состоянии, тихонько всхлипывая в углу, а Гловз и вовсе лежал рядом с межотсечным люком, истекая кровью - при особо резком рывке его приложило о подволок и рассекло шкуру на темени.

Треск корпуса усиливался. Великан, обхвативший жестянку своим мощным кулачищем, поигрывал пальцами: корпус вдавливало внутрь. Бдышь - отлетела от стены заклёпка, просвистев словно пуля мимо штурмана, и зацокав по палубе. Сто сорок метров! Сто сорок пять! Сто пятьдесят! Сто пятьдесят два. Майор зажмурился, ожидая неизбежного: когда же морским пучинам надоест ждать, и они сомнут одним могучим ударом консервную банку с дерзновенными пони внутри, что самонадеянно бросили вызов Океану?

Но долгожданного мгновенного избавления от мук так и не пришло. Вместо этого он услышал не-понски спокойный голос капитана Союши, отдающий приказания:

- Машинное! Средний вперёд! Осмотреться в отсеках, доложить о повреждениях.

- Первый отсек осмотрен, замечаний нет.

- Второй отсек осмотрен, была небольшая течь, устранена, замечаний нет.

- Третий отсек осмотрен, замечаний нет.

- Четвёртый... шестой... седьмой...

Армор открыл один глаз, затем второй. Глубиномер показывал ровно сто шестьдесят, и понемногу поднимался, отдавая метр за метром. Растрёпанный, расхристанный Союши нависал над нактоузом, тяжело дыша. Его фуражка сбилась набекрень, а от трубки остался только осколок чубука - но на лице капитана играла хищная улыбка, а взгляд полуосмысленно перебегал с одного пони на другого.

Майор попытался встать - и не смог: ноги его не держали. Внутри словно лопнула какая-то струна, натянутая до предела последние пару часов. Армор рухнул на палубу, перевернулся на спину, и зашёлся в истерическом смехе - минуту или две он никак не мог остановиться, всхлипывая и трясясь. И ему так же безостановочно и так же истерически вторили Льётт, Гловз, Союши, Кедоки и вообще все пони и зебры на подводной лодке.

Они прошли *на ту* сторону.

Заметка: получен новый уровень

Новая способность: don't panic: даже в самой сложной и напряжённой ситуации вы остаётесь спокойными. Особенно если на вас смотрят подчинённые.